

УДК: 340+342
ББК: 66.1+67.400

Царьков И.И.

**ЛЕГИТИМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРИНУЖДЕНИЯ
ГОСУДАРСТВ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ (ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ
И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ)**

Tsarkov I.I.

**RESOURCES LEGITIMIZING POLITICAL COERCION BY THE STATE ANCIENT
CIVILIZATION (HISTORY OF POLITICAL AND EXERCISE VOVYH PRA)**

Ключевые слова: политика, государство, принуждение, легитимация, ресурсы политического принуждения, политическая элита, общественные праздники, общественный труд, международные военные конфликты.

Keywords: politics, government, coercion, legitimacy, resources for political coercion, the political elite, public holidays, social activities, international in-enneye conflicts.

Аннотация: статья посвящена типам политического господства. Любое государство использует определенные способы и приемы управления общественными процессами, и, чтобы это управление было наиболее эффективным, требуются не только легитимационные основания политического принуждения, но и использование соответствующих каждому типу политического господства социально-политических ресурсов. Для государств древних цивилизаций характерны конечные ресурсы политического господства, что задает для политической элиты проблему восстановления иссекаемых ресурсов.

Abstract: the paper concerns the types of political domination. Any State uses certain methods and techniques of management of social processes, and that it was most effective management requires not only legitimizing foundation of political coercion, but also the use of appropriate to each type of political domination of social and political resources. For the states of ancient civilizations characteristic finite resources of political domination that sets the problem of restoring the political elite was excised resources.

Создатель термина «легитимация» немецкий социолог Макс Вебер понимал под этим понятием процесс придания правомочности власти, по средствам которого политическое господство признается достойным доверия и уважения. Чтобы политическое господство было устойчивым, правители правили, а подданные повиновались, последние должны быть убеждены в необходимости принуждения, таким образом, легитимация, с позиции М. Вебера, есть «внутреннее основание для оправдания господства»¹ в противоположность процессу делегитимации – эрозии политического господства, то есть утраты авторитета власти. Можно сказать, что легитимация есть усилия, добровольно предпринимаемые

всеми, или, по крайней мере, подавляющего большинства членов общества для создания и поддержки мнения о том, что существующие политические институты наиболее соответствуют требованиям общества и наиболее присущи обществу.

Немецкий ученый разработал три чаще всего используемых типа придания правомочности власти. Политическая власть признается достойной доверия благодаря: традиции, харизме и легальности.

В первом случае подчинение власти вытекает из авторитета «вечно вчерашнего»: авторитета нравов, освященных исконно значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение...»², то есть авторитет власти вытекает из освященного уважением обычая, каким он пользовался с незапамятных времен, и следующий из привычки его

¹ Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер. Избранные произведения. – М., 1990. - С. 646.

² Там же. – С. 646.

(обычай) соблюдать. Традиционное господство – это господство, осуществляемое «патриархом и патромониальным князем старого типа»¹.

Другой тип наделения полномочиями относится к особой предрасположенности личности, которую М. Вебер описывает греческим словом харизма² - «авторитет внеобыденного личного дара»³ лидера, через который индивиды проявляют личную самоотдачу и личное доверие к лидерским качествам лица.

Наконец, господство в силу «легальности» рационально созданных правил поведения, «то есть ориентации на подчинение при выполнении установленных правил...»⁴. В данном случае М. Вебер имеет в виду формулу наделения полномочиями, которая появилась в XIX в. вместе с прогрессирующей демократизацией политических систем, обеспечивающих доступ любого гражданина, пусть через выборы, к политическим институтам.

Указанные типы легитимации политического господства являются «идеально-типическими», которые в чистом виде «...редко встречаются в действительности»⁵, и представляют из себя методологический инструментальный «понимающей социологии»⁶. Список «идеальных» типов для М. Вебера является завершенным, и политическая действительность представляет из себя «переходы и комбинации этих чистых типов», то есть в реальности индивиды руководствуются комбинацией типов.

Сам автор теории легитимации не имел возможности позволить себе «детальный анализ крайне запутанных изменений, переходов и комбинаций этих типов», тогда как, по его же мнению, этот анализ относится к проблемам «общего учения о государ-

стве»⁷.

Действительно, в реальной жизни «идеальные» типы легитимности политического господства перемешаны и запутаны, и люди тех или иных сообществ при различных обстоятельствах используют различные легитимационные типы господства. При одних условиях они могут обращаться к «святому прошлому», при других могут надеяться на неформального лидера,веряя ему свою жизнь и судьбу, а при третьих - требовать от власти убедительных аргументов.

Что касается политической власти традиционных обществ или политического господства древних цивилизаций, то оно представляет из себя причудливое смешение традиции и харизмы, и все предшествующие главы настоящей монографии были, по сути, посвящены анализу «переплетения традиции и харизмы», которое условно можно назвать мифологическим типом политического господства. «Святая старина» и харизма в со-бытии не только не находятся в кричащем противоречии друг к другу, но они могут уживаться и взаимно дополнять друг друга. Несомненно, что между «святой стариной» и новым неформальным лидером могут возникнуть конфликты, но это такого рода конфликты, которые в большей степени укрепляют и сплачивают их, нежели разрушают. При этом харизматику не обязательно нести в общество новое и неизвестное, харизматик может любить старину, так как ее любил, претендующий на роль харизматика, Конфуций.

Если автор теории легитимации политического принуждения М. Вебер определил традиционный тип, как бесприкословный авторитет «вечно вчерашнего»: авторитет нравов, освященных исконно значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение, то немецкий ученый не пошел далее этого определения и не конкретизировал традиционный тип через те социальные институты посредством которых традиция живет в настоящем, то есть не ответил на вопрос, какими технологиями и в каких формах прошлое предстает себя в настоя-

¹ Там же. – С. 646.

² Харизма с др. греческого - милость, благодать, божественный дар.

³ Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер. Избранные произведения. – М., 1990. - С. 646.

⁴ Там же. – С. 647

⁵ Там же. - С.647.

⁶ Настоящая работа не ставит цель исследования методологического значения понятия «идеально-типический тип».

⁷ Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер. Избранные произведения. – М., 1990. - С. 647.

щем, особо, если это касается вопросов публичного порядка. Другими словами он не задался вопросом: «Что должен делать человек сегодня для того, чтобы прошлое было свято?»

Собственно говоря, в предыдущих частях работы раскрывались как сущность и признаки политической власти, так и легитимационная логика политического принуждения, то есть говорилось о том, при каких условиях допускается и поощряется необходимость политического принуждения и необходимость повиновения политической власти членов общества, и говорилось о том, что должен сегодня делать правитель, чтобы сохранить свое лицо патромониального лидера. При этом не менее важным, в целях раскрытия переплетения традиции и харизмы, является вопрос о ресурсах политического господства данных типов. Для того, чтобы удерживать власть в своих руках на столько долго, на сколько это возможно, политическая власть должна располагать ресурсами своего господства, и, поскольку как традиция, так и харизма являются позитивными легитимационными источниками, и, следовательно, конечными (исчерпаемыми) источниками, то несомненной проблемой для власти будет вопрос рационального использования или пополнения позитивных ресурсов своего господства.

Обращения к прошлому и к личностному дару не достаточно, чтобы удерживать власть на протяжении достаточно длительного времени, поскольку как при всей любви к старине, то есть жесткой привязке традиционного типа к обычаям, так и полное доверие к харизматическому лидеру, не культивируют строгих правил завоевания власти и смены власти. Властитель традиционных обществ не был защищен формальными процедурами прихода во власть и ухода из власти; не был защищен строго определенным временем нахождения во власти и в любой момент мог ее утратить. Угрозы власти могли исходить из различных источников и по степени опасности их можно разделить на три группы: 1) угрозы, исходящие от ближайшего окружения, от того круга лиц, на который опирается сам правитель, того круга лиц, который являет-

ся его непосредственной опорой, его сподвижниками (дружинниками); 2) опасность, исходящая от внешних врагов - от недружественных государств; 3) опасность, исходящая от собственного народа, при условии, если массы людей будут рекрутированы кем-либо из ближайшего окружения властителя.

В отличие от метафизических источников власти, таких как Бог¹ и Разум², традиция и харизма вынуждены постоянно заботиться о пополнении своих ресурсов, в целях эффективной защиты себя от исходящих угроз, и в этих условиях власть находится в постоянном ожидании своего конца.

Позитивные ресурсы власти «дряхлеют», как со временем дряхлеет тело человека. «Десять и [еще] пять лет стоял на престоле Желтый Предок и радовался, что Поднебесная его поддерживала. [Он] наслаждался жизнью, [всем, что] радовало слух и зрение, обоняние и вкус [до тех пор, пока] от беспокойства кожа у него не высохла и не потемнела, пять чувств не притупились и не омрачились. [Проществовал он] еще десять и пять лет и опечалился, что в Поднебесной нет порядка. Истоющая слух и зрение, прилагая всю силу ума, распорядился [он] народам [до тех пор, пока] от беспокойства кожа у него не высохла и не потемнела, пять чувств не притупились и не омрачились»³ - отмечается в даоском трактате

¹ По определенным методологическим причинам М. Вебер отказывает в самостоятельности теологическому типу легитимации политического господства – типу, основанному на вере в Бога и вероучении. Институт веры М. Вебер растворяет во всех трех предыдущих типах, то есть традиционный тип легитимации существует «...в силу традиции (по большей части религиозно освященной)»; харизматический тип существует в силу того, что харизматический лидер «... считается внутренне «призванным» руководителем людей, что последние подчиняются ему не в силу обычая или установления, но потому, что верят в него», и даже легальный (рациональный) тип легитимации может существовать только «...в силу веры в обязанность легального установления».

² Ни теологический (Бог), ни рационалистический (Разум) легитимационные типы политического господства не требуют для себя дополнительных усилий власти. Оба типа построены на формальных основаниях, когда материальная справедливость ставится в зависимость от формальной.

³ Ле-цзы / Дао. Гармония мира. – М.-Харьков, 2000. – С. 48.

Ле-цзы. Когда власть дряхлеет, тогда степень опасности политическому господству резко повышается¹, тогда власть может утратить поддержку неба, поскольку оказывается не в состоянии продолжить «почтительность и светлые добродетели предков».

Проблема ресурсов политического господства такова, что править, по существу, необходимо, подражая небу. Только небо «щедро и не кичится своими достоинствами, его сияние длительно и не ослабляющее (Курсив мой – И. Ц.)»² - пишет Мо-цзы. Правитель должен постоянно заботиться об источниках пополнения своей энергии, поскольку здоровье и физическое состояние правителя связывалось со «здоровьем» и материальным благосостоянием общества. Так, согласно китайской традиции, легендарный Сын Неба Яо, «выглядевший словно Солнце», был обязан несколько стрел пустить в Солнце, демонстрируя свою способность укротить и подчинить себе его силы. И сразу же, как только он покорял символ Солнца, ему давалось и право царствовать. Но если вождь не достоин своего высокого звания, испытание оборачивается против него. Пущенные им стрелы могли поразить самого претендента на власть³.

Пополнять свою энергию ради «длительного и не ослабляющего сияния» правитель может из самых различных источников. Он может привлекать или «питаться» энергией лекарей и знахарей, мудрецов и певцов; он может использовать материальные и физические ресурсы общества, потому что, как считает тот же Мо-цзы, «большие и средние реки не брезгают принимать ручейки и горные потоки, чтобы наполнить себя и тем самым быть великими. Совершенномудрый человек не уходит от дел, не нарушает природы вещей, поэтому он может быть образцом для Поднебесной, собирая в себя всю ее мудрость, так же как

¹ Жрецу, охраннику дуба со временем все труднее и труднее становится выполнять свою задачу. Время делает свое дело, тело дряхлеет и новому жрецу-убийце легче занять место стража дуба.

² Мо-цзы / Антология древнекитайской философии. Т.1. – М., 1994. – С. 325.

³ См.: Гране, М. Китайская цивилизация. – М., 2008. – С. 163. Подобного рода ритуалы совершались не только в древнем Китае, но и в других государствах Древнего мира.

большие и средние реки наполняются водой, вытекающей не из одного источника, как тысяча мер зерна состоит из многих пригоршней, как шуба правителя шьется не из одной шкурки с лапы лисы»⁴. Пригодны любые средства, способствующие продлению «сияния» правителя.

Главная задача правителя – это быть всегда в форме, даже тогда, когда время делает свое дело, то есть при дряхлости тела необходимо имитировать отменное здоровье. Можно сказать, что для правителей традиционных обществ существенный когнитивный диссонанс составляло соотношение молодости и старости. Молодости, как символа силы, здоровья и полноты энергии и старости, как символа мудрости и рассудительности. Фикция ресурса политического господства – это молодость должна быть мудра, а старость сильна. Не редко в текстах древних цивилизаций встречаются сюжеты рождения «царя царей», когда только что рожденный правитель обладал признаками величия и мудрости. Так, например, рассказ о рождении индийского «царя царей» Мандхатара повествует о том, что когда лопнула опухоль на голове царя Утпошадха, то из нее вышел прекрасный мальчик, на теле которого выделялись тридцать два признака Великой личности Махапуруши⁵. Тема изначальной мудрости великого правителя - достаточно распространенная тема для древних цивилизаций. Великий правитель приобретает всю мудрость и приобретает ее сразу. Великий правитель на то и великий, чтобы быть выше образовательных технологий, и он не может быть ни не опытным и мудрым воином, ни не опытным и мудрым политиком, ни не мудрым философом; он мудр сразу и во всех отношениях.

Если же политик не мудр сразу и во всех отношениях, что всегда относилось к министрам «царя царей», то он вынужден был изображать раннее старение, как изобразил ее визирь халифа аль-Мамуна аль-Фадлем Ибн-Сахлем. История повествует о том, что этот визирь захотел выяснить, что

⁴ Мо-цзы / Антология древнекитайской философии. Т. 1. – М., 1994. – С. 329.

⁵ См.: Царь Мандхатар / Шомахмадов, С. Х. Учение о царской власти: теории имперского правления в буддизме. – СПб., 2007. – С. 203-215.

думает народ о его правлении и его недостатках. Он разослал с этой целью агентов, и они донесли, что люди сокрушаются по поводу молодого возраста аль-Фадля: ведь, как считалось, халифы должны были брать себе в министры старцев, у коих ум и образованность сочетается с опытностью, достигаемой многими жизненными испытаниями. Прознав об этих настроениях, аль-Фадль не появлялся на людях три дня. Когда же он вновь вышел на люди, его борода была совершенно белой¹.

Трудно было конструировать фикцию старой молодости, сложнее молодой старости, но не обходилось и без этого. В буддийском трактате «Махасудассана-суттанта» повествуется о том, что великий правитель Махасадассан отличался от остальных изящной фигурой, красивой внешностью и был приятен в общении. Но главное заключалось не в этом, а в том, что он «отличался от остальных бесконечно долгой жизнью» и при этом «не страдал ни от болезней, ни от иных недомоганий; его внутренние силы находились в состоянии равновесия, что способствовало хорошему пищеварению»².

Правитель должен постоянно демонстрировать свою физическую и умственную дееспособность. Мо-цзы утверждает: «Мудрый, управляя страной, встает с утренней зарей и возвращается в дом с сумерками», демонстрируя свою работоспособность. «Он выслушивает жалобы, - продолжает китайский мудрец, - и дает указания, благодаря этому государство спокойно, а наказания осуществляются правильно. Если мудрый является начальником департамента, то он ночью возвращается на отдых и еще затемно встает, собирает подати, рыночную пошлину и подати за пользование горами, лесами, водоемами, каналами. Благодаря этому казенные склады полны продуктов, казна полна и богатства не разбросаны. Если мудрый управляет селением, то он на заре встает и поздней ночью возвращается на

отдых. Руководит полевыми работами, уходом за посевами и садами, собирает овощи и зерно, благодаря этому и [в казенных складах] много овощей и зерна, и у народа достаток в пище. Поэтому страна спокойна, а наказания и управление [осуществляются] правильно»³.

В древнеиндийском памятнике «Артхашастре» утверждается: «Когда царь деятелен, то вслед за ним деятельны его слуги. Если царь бездеятелен, то вслед за ним бездеятельны и его слуги, которые и уничтожают его дела, и он одолевается ненавидящими его. Поэтому царь проявляет свою деятельность»⁴. Царь должен личным примером демонстрировать свою работоспособность и, поэтому та же Артхашастра чуть ли не поминутно расписывает график работы правителя. Так Куатилья, автор Артхашастры, рекомендует правителям разделить и день, и ночь на восемь частей соответственно и «в первую восьмушку дня выслушивать доклады о мерах безопасности государства, о доходах и расходах; во вторую – рассматривать дела горожан и поселян; в третью заниматься купанием и приемом пищи и изучать веды; в четвертую принимать золото и определять надзирателей; в пятую совещаться с собранием советников при помощи письменных сообщений и рассматривает тайные извещения шпионов; в шестую заниматься, чем он хочет, или совещаться; в седьмую делать смотр слонам, коням, колесницам и воинам; в восьмую вместе с военачальником осуждать военные дела»⁵. Ночью правитель тоже в большей степени должен бодрствовать, а не отдыхать. «В первую часть ночи, - продолжает Каутилья, - пусть царь принимает тайных агентов; во вторую пусть займется купаньем и приемом пищи и пусть изучает веды; в третью, легши спать при звуках труб, пусть спит четвертую и пятую; в шестую, пробужденный звуком труб, пусть размышляет о науке и о том, что должен делать; в седьмую пусть заседает в совете и рассылает тайных агентов; в восьмую пусть он в со-

¹ См.: Игнатенко, А.А. Как жить и властвовать. – М., 1994. – С. 169.

² Махасудассана-суттанта / Шомахмадов, С.Х. Учение о царской власти: теории имперского правления в буддизме. – СПб., 2007. – С. 223-224. Медицина существовала и развивалась вокруг правящей семьи, и самое передовое в медицине предназначалось только для правящей династии.

³ Мо-цзы / Антология древнекитайской философии. Т. 1. – М., 1994. – С. 331.

⁴ Артхашастра / Книга государя. Антология политической мысли. – СПб., 2004. – С. 53.

⁵ Там же. – С. 53.

провожении жертвенного жреца, духовного учителя, домашнего жреца принимает благопожелания и пусть видится с врачом, поваром, предсказателем»¹. Легко заметить, что Каутилья учитывает и предписывает правителю в течение суток совершать не только общественные дела, но и дела личные, поскольку, дела личные настолько же общественные, насколько непосредственно общественным делом является управление государством. Но главное то, что день, расписанный поминутно, указывает на то, что для правителя нет другой заботы, как забота о своем государстве, и он способен осуществлять ее денно и нощно. Правитель действует, и пока он действует, то «за ним действуют и его слуги»; правитель действует, и пока он действует, поддерживается социальный порядок, и хаос не грозит обществу.

Демонстрируя свою дееспособность, правитель вынужден «быть деятельным», работать и постоянно находиться в центре внимания; он вынужден «давать людям свободный доступ к себе, показывать им свое лицо, заставлять своих стражей относиться к ним спокойно...»², но тем он делал свою власть более уязвимой. Открытость власти (публичность) предоставляет врагам больше возможности узнать его планы, а народу заметить его ошибки, которые подобны «солнечному затмению». Правитель рискует совершить неразумный шаг или принять неразумное решение, поэтому в той же Артхашастре, если расписание дня правителя открыто, то, как и где правитель принимает решения, должно быть покрыто тайной. «Место совещания должно быть закрыто, из которого не истекают разговоры, куда не могут заглянуть птицы»³ - утверждается в древнеиндийском памятнике права, в противном случае опасность власти и обществукратно возрастает, и возможности поддерживать порядок утрачиваются. «Нарушение тайны совещания мешает приобретению и сохранению имущества царя и связанных с ним людей», а утрата материального могу-

щества правителя равносильна утрате политической власти в целом.

Правитель постоянно должен заботиться, с одной стороны, о демонстрации своей дееспособности, с другой – сохранять тайну своего правления, и поэтому он постоянно находится в ситуации внутреннего конфликта. Ему надлежит быть «безмятежным» (цзи) и «замкнутым в себе» («сокрытым» – цан), но одновременно «величественно-властным» (вэй) и «просветленным» (мин). Именно такие рекомендации содержатся практически во всех политических трактатах древнего Китая.

Когда Ши Хуанди победил и пришел к власти в Китае, то он первоначально придумал для себя термин «чжэнь», уточняющий, что он действует, оставаясь невидимым и неслышимым. Вслед за ним и его сын, Эр Ши Хуанди, решил во избежание «дурных речей» и для того, чтобы «укрыть свои несовершенства», не покидать личных апартаментов и как его отец совершал ночами инспекционные объезды столицы инкогнито⁴.

Это неудобное двойственное положение может быть преодолено видимостью действий и совместными действиями (война, праздники, стройки).

Власть «дряхлает» не только физически, но и морально. Она может деградировать, бездарно растрачивая доверие народа, поэтому, чтобы поддерживать моральную молодость власть вынуждена действовать более изобретательно, чем при поддержании физической формы. Придя к власти на гребне инновационности, правитель (династия) незащищенный формальными ресурсами удержания власти, вынужден действовать в рамках устоявшейся традиции и защищать эту традицию; он не может поклоняться другим богам, кроме тех, которых сам вознес на престол официальной идеологии. Поэтому власть не может серьезно реформироваться в целях «обновления крови» и получения новой энергии, поскольку традиционность не может представлять инновационность не иначе как другой традиционностью, противостоящей ей, разрушающей и уничтожающей ее. Традиционность не может рассматривать новое как обновление

¹ Там же. – С. 54.

² Послание Тахира Ибн-аль-Хусайна к своему сыну Абдаллаху Ибн-Тахиру // Бюллетень Средне-Азиатского университета. – Ташкент, 1925, №8. – С. 136.

³ Артхаштра / Книга государя. Антология политической мысли. – СПб., 2004. – С. 40.

⁴ См.: Гране, М. Китайская цивилизация. – М., 2008. – С.315.

и улучшение старого. Для этого старое должно быть подвергнуто критике.

Для поддержания своей моральной молодости власть может использовать только нейтральные средства, определение которых на самом деле составляет существенную проблему. По крайней мере, правитель должен совершать такого рода действия, которые не подвергались бы сомнению как о необходимости их свершения для общества, так и способности правителя их совершить.

Исходя из нашей со-бытийной гипотезы следует предположить, что традиционность в настоящем совершает определенно-го рода действия, подкрепляющие и укрепляющие политическое господство; традиционная власть вынуждена совершать совместные действия с народом с целью продления своей легитимности, своей моральной молодости. Как ни парадоксально, но именно в традиционном типе легитимности власть вынуждена постоянно доказывать свое право на власть, демонстрируя свою состоятельность. Это может проявляться в различных формах, в том числе в акциях жестоких репрессий. Но наиболее распространенные формы демонстрации своей состоятельности - это организация совместных с народом действий, таких как: отражение общей внешней угрозы (военные действия) и общие ритуальные праздники.

Механизм «социальной генетики» традиционного типа легитимности концентрируется на формах отношениях с внешним миром; с внешним фактором, который является другой моралью действия, совершает иные действия. Внешний фактор конституируется, как уже отмечалось выше, исключительно как фактор угрозы совместному существованию морали действия, поэтому социальная генетика морали действия ожидает побед над внешним фактором, и любые достижения во внешних отношениях воспринимаются не иначе как общая победа. Победы свершаются не только в военных баталиях на поле брани, но и спортивные достижения – это общая победа, достижения в сфере науки - это победа, и даже достижения в сфере искусства – это победа. Победы ожидаются и даже могут планироваться - нужна хотя бы маленькая, но побе-

доносная война. В спортивных состязаниях мораль действия пытается выяснить не кто сильнее, а стремится убедиться, что кто-то действительно является сильней, то есть спорт представляется не как способ выявления сильнейшего, а как форма демонстрации сильнейшего. Победы ожидаются и требуются в любых сферах деятельности, поскольку именно победы над внешним фактором укрепляют власть, и, чем они больше и тяжелее, тем авторитетней становится власть.

Даже наука и научные достижения могут описываться как завоевания и победы. Так, русский просветитель XVIII в П.И. Челищев, чтобы отдать дань научному гению М. Ломоносова, сочинил в его честь стихи, в которых М. В. Ломоносов:

«Напрягся, поднялся, взлетел, объял природу...»,

и Ломоносов же:

«Схватил рукою цепь планет и звезд союз,

Держал, что Птолемей, и Тихобрах, Коперник...»,

и Ломоносов же:

«Вдруг к созиданию свой дух гордый устремив,

Скупую химию настиг в своих ристаньях...»,

и Ломоносов же:

«И, не насытись тем, сколь алчен к славе был,

Подъял на рамена мысль страшну и велику...».

Заканчивает свое стихотворение П. Челищев обращением к читателю:

«Читатель! Вздохни, коль ты сын верный Россов,

И вспомнив, содрогнись, каков был Ломоносов!»¹

М. В. Ломоносов – ученый-богатырь и ни как иначе. Ученые-богатыри побеждают не только природу, но и других ученых, «умолкших уж давно Афин и Римлян дар», и при таких обстоятельствах наука может интересовать власть только тогда, когда она является собственным для власти легитимационным ресурсом политического господства.

¹ Челищев, П.И. Подробный журнал путешествия моего 1791. / Русские просветители. – М., 1966. – С. 65.

При этом поражения при определенных благоприятных обстоятельствах могут представляться и обыгрываться как победы. Полководец, проигравший сражение, может быть назван бесстрашным и великим полководцем, если: «Ни один из его воинов, павших в сражении, не умер спиной к врагу. Они все погибли к врагу лицом»¹; проигранная битва может быть названа победой, если силы врага намного превышали силы своего войска, все пали смертью храбрых, и жизни павших были отданы не зря. Традиционный тип легитимности такие ситуации будет пытаться обыграть как «оптимистические трагедии».

Но самые катастрофические поражения – неожиданные и непредсказуемые, поражения от тех, кто намного слабее – это поражения, которые под корень рубят авторитет власти, и с вершины народного доверия власть может пасть на дно народного презрения².

Победы указывают на надежность власти, на ее сплоченность, и это единственный случай, когда власть демонстрирует свою заинтересованность в заботе о своем собственном народе, то есть это единственный случай, когда в традиционной морали действия интересы власти и народа совпадают.

Во внутренних отношениях механизмом социальной генетики традиционного типа легитимации выступают совместные торжества – праздники, которые мораль действия конституирует как совместные общезначимые мероприятия, празднования совместных достижений. Если сравнить «Пир» Платона и великокняжеские пиры, то на первые люди собирались «слушать философские речи»³, на вторые для проявления «абстрактной солидарности»⁴ и единодушия. Правда, именно на великокняжеских

пирах допускалось выяснение мнений, но только для того, чтобы в еще большей степени укрепиться в единодушии, то есть только на пиру предоставлялось право «качать права», что могло закончиться серьезной потасовкой со смертельным исходом, не считающимся преступлением.

Совместные празднества традиционного типа – это особого рода действия, целью которых является соединение в одно время и в одном месте всех структурных элементов общества. Структурные элементы общества встречаются вместе, воспроизводя своими действиями порядок («закон») традиции. Такого рода торжества можно назвать праздниками-мгновениями в отличие от сюжетно-сценарных праздников.

Традиционный праздник – это не свободное время от труда и военных битв, праздник – это не отдых с целью восстановления растроченных в труде и на войне сил, праздник – это особая совместная деятельность, к которой, как и к войне необходимо готовиться. Предшествующие битвы и предшествующая работа – это только этапы подготовки праздника. Традиционное общество работает и сражается, чтобы совершить торжество (праздник), а не отдыхает в праздник, чтобы затем с новыми силами приступить к работе. Праздники всегда посвящены общим значимым для общества событиям истории. Эти события есть победы, к которым традиционность готовилась, консолидируя общественные ресурсы, и праздники, посвященные этим победам, являются по сути, воспроизводством в настоящем того, что происходило в прошлом.

Праздник – мгновение, праздник – миг. Ради одного законченного действия проводятся широкомасштабные предуготовления; все, что не входит в структуру сакрального (праздничного) события – мига, не считается еще праздником, и все, что происходит после события – мига, – это уже не праздник. Праздник для одного единственного действия – убиения жертвенного животного; для одного звона бакалов под звон курантов в новогоднюю ночь; для взмаха руки и встрече с взглядом руководителей государства во время праздничного парада.

Такие праздники ничего общего не имеют с сюжетными праздниками, в кото-

¹ Ямамото Цунэтомо. Сокрытое в листе / Харакурэ. Сокрытое в листе – М., 2008. С. – 104.

² После поражения царского правительства в Русско-японской войне 1905 г. в народе родилась частушка:

Боже царя возьми,
Нам он не нужен.
В лоб он контужен
Японцами.

³ Платон. Пир / Соч. в 4-х т. Т.2. – М., 1992. – С. 82.

⁴ Термин Э. Дюркгейма.

рые необходимо воспроизводить сюжет с участием разных действующих лиц (Рождество Христово).

Мы можем вспомнить еще недавний советский праздник, посвященный Октябрьской революции. В этом празднике встречались все структурные элементы общества – элементы политической власти и все социальные группы. К этому празднику общество готовилось заранее, помогая в этом руководителям партии и правительства, а руководители партии и правительства помогали обществу в подготовке совместного праздничного действия. Как в предреволюционном прошлом общество помогало революционерам-партийцам готовить революцию, а революционеры партийцы помогали обществу освободиться от тиранической царской власти, и все совместно становились товарищами¹ по партии, то есть помощниками друг друга в совместном деле. Далее, наш праздник - это непосредственная встреча власти и общества, когда проходя мимо трибуны, на которой восседали руководители партии и правительства, каждый мог встретиться взглядом с взглядом власти, а взгляд власти мог найти взгляд любого человека из толпы. На этом праздник заканчивался, все, что делалось до этого, делалось ради этого, ради одного мига встречи общества с властью².

Готовить и совершать общенациональные праздники - не простая прихоть власти, а ее необходимая потребность, без которой власть не в состоянии демонстрировать свои легитимационные ресурсы; демонстрировать, что она способна управлять и держать порядок в обществе.

Конфуций даже распределял праздничные торжества (жертвоприношения) для различных социальных слоев. В семьях должны устраивать торжественные жертвоприношения в честь своих предков, местные князья - в честь национальных героев, и только император (Сын Неба) обладал исключительным правом приносить жертвы

¹ С франц. товарищ - помощник.

² Для древних традиционных обществ такими праздниками были праздники, посвященные общенациональным героям. Героям приносились жертвы, и все делалось ради одного мига – заклания жертвенного животного.

Небу. Пышные общенациональные торжества, как считали конфуцианцы, являлись важнейшей частью политического управления, за что не редко повергались критике. В частности, Мо-цзы, указывал на излишество и нечуждость пышных торжеств в целях достижения общества «всеобщей любви» и даже их вредность. «Конфуцианцы, - пишет Мо-цзы, - стремятся приобрести внушительную внешность и богато украшать себя, чтобы совращать современников. Они используют пение под струнный аккомпанемент и танцы под барабан, чтобы привлечь учеников. Устанавливают множество сложных церемоний, чтобы оттенить формальную сторону и привлечь внимание многих людей. Их обширное учение не может быть правилом для мира. Они много размышляют, но не могут помочь простолудинам. За всю жизнь невозможно постичь их учение, за целый год нельзя выполнить их церемоний, и даже богатый не может [позволить себе] услаждаться их музыкой. Богатые украшения и поддельное искусство придуманы ими, чтобы вводить в заблуждение нынешних правителей; громогласная музыка служит тому, чтобы совращать глупых людей...»³.

Не только общенациональные торжества являлись моральными легитимационными ресурсами политического господства, но и «общенациональные» стройки века. Народ восхищается правлением, если правитель «силами народа построил башню и устроил озеро», тогда и государь, и народ радуются вместе. Правитель должен строить и строить много. Чем масштабней стройки, тем крепче власть; тем больше доказательств того, что власть способна расходовать материальные ресурсы ради блага народа, и что она еще полна энергии. И даже строительство пирамид могло выполнять такую демонстрационную функцию силы и возможностей правителя.

Даже раздача милости нищим и убогим для традиционного типа легитимности в большей степени означала не выражение заботы о нищих и убогих, то есть как знак богу угодного милосердия и сострадания, а выражение неисчерпаемости материальных

³ Мо-цзы / Антология древнекитайской фило-софии. Т. 1. – М., 1994. – С. 341.

ресурсов власти - знака ее материальной мощности и ее контроля за ними. Власть, раздавая милостыню нищим и убогим, как бы говорит: «Вот видите, у меня есть, что раздавать. Я еще обладаю силами накапливать и контролировать материальные богатства».

В целом общую формулу проблемы ресурсов традиционного типа легитимности можно выразить словами из средневековой арабской книги «Светильник владык»: «Люди заняты собой, - говорится в ней, - а властелин занят ими всеми...и во всем он

несет за них (за подданных – И. Ц.) тяжести, дает им отдых за счет своих трудов (Организует совместные праздники – И. Ц.), воюет против их врага, закрывает их прорехи, переносит их бремя, совершает их труды (организует труд – И. Ц.)¹», и энергии, и ресурсов правителя должно хватить на все и на всех. Поистине титаническая задача выпадает на долю патромониального правителя традиционных обществ, справиться с которой способны только лишь боги.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Артхаштра / Книга государя. Антология политической мысли. – СПб., 2004.
2. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер. Избранные произведения. – М., 1990.
3. Гране, М. Китайская цивилизация. – М., 2008.
4. Игнатенко, А. А. Как жить и властвовать. – М., 1994.
5. Ле-цзы / Дао. Гармония мира. – М.-Харьков, 2000.
6. Мо-цзы / Антология древнекитайской философии. Т.1. – М., 1994.
7. Платон. Пир / Соч. в 4-х т. Т.2. – М., 1992.
8. Послание Тахира Ибн-аль-Хусайна к своему сыну Абдаллаху Ибн-Тахиру / Бюллетень Средне-Азиатского университета. – Ташкент, 1925, №8.
9. Челищев, П.И. Подробный журнал путешествия моего 1791 / Русские просветители. – М., 1966.
10. Шомахмадов, С.Х. Учение о царской власти: теории имперского правления в буддизме. – СПб., 2007.
11. Ямамото Цунэтомо. Сокрытое в листве / Хагакурэ. Сокрытое в листве – М., 2008.